

Первое, что бросилось ему в глаза - перевернувшийся грузовик, перегородивший дорогу.

Водителя удалось спасти; он лежал на дороге, ему оказывали помощь. Что касается машины, то она едва держалась благодаря ограждению, которое было согнуто в форме буквы U. Изнутри слышались крики. Лицо водителя было закрыто подушкой безопасности, но он не двигался. Возможно, он без сознания, а может, и мертв. Переднее стекло было разбито и залито кровью.

Мы можем им помочь?

Итехо хотел быть сильным, но не мог не сомневаться. Машина едва удерживала равновесие, но это был лишь вопрос времени, когда она скатится с обрыва.

Малейшее прикосновение могло опрокинуть ее.

Любое движение пассажиров тоже было рискованным.

Все, кто наблюдал за катастрофой, делали это издалека.

Тем временем Рюсэй внезапно остановился. Он достал из рукава своего кимоно веер, раскрыл его, и холодный воздух распространился вокруг него.

— Рюсэй, ты серьезно? — спросил Итехо.

Рюсэй кивнул.

Итехо наморщил лоб и выхватил у него веер.

— Это противоречит Кодексу Четырех Сезонов.

Рюсэй насильно вернул веер.

— Нет, не противоречит.

— Нет, противоречит. Даже если наш народ в опасности, ты не должен использовать свои божественные силы по другим причинам, кроме как для проявления сезона. Это пункт номер один Кодекса. Я понимаю, что ты чувствуешь... но мы не можем действовать легкомысленно. Я... я помогу людям внутри. А ты возвращайся в машину.

— Эй, Исихара...

Исихара затаила дыхание, прислушиваясь к их разговору, и подскочила, услышав вдруг свое имя.

— Д-да, господин! — Исихара растерянно озиралась по сторонам.

— Прочти второй пункт Кодекса Четырех Сезонов.

И теперь ей грубо приказывали.

— А?

— Перечитай его, Исихара!

— Да-да!

Она была уверена в своей памяти; несмотря на волнение, она сразу же процитировала его.

— Пункт второй Кодекса Четырёх Сезонов: "Когда агент Четырех Сезонов попадает в беду, он может использовать свои божественные силы на других!"

— Отличная работа, Исихара.

Рюсэй крепко хлопнул маленькую женщину по спине, и та попятилась вперед.

— С-спасибо.

— Послушай меня, Итехо. Мы застряли в пробке и убегает от радикалов. Повстанцы могут напасть в любой момент, тебе не кажется?

— Именно поэтому я сказал тебе закрыть это чертово окно.

— А пробка скоро не рассосется. Посмотри на грузовик, преграждающий путь. Мы не можем вернуться назад. Там полно людей, приехавших посмотреть на цветение сакуры. Если повстанцы нанесут удар сейчас, нам некуда будет деваться, не говоря уже о сопутствующем ущербе для людей, если в этом месте начнется бой. Вся дорога превратилась в огромную пробку.

У Итехо разболелась голова от его слов.

Как я попал к такому непокорному мастеру?

Рюсэй больше не слушал, что бы ему ни говорили.

— Мы могли бы оставить машину, но спускаться с горы пешком отсюда было бы неразумно. Поэтому нам нужно все прояснить. То, что я собираюсь сделать, исключительно ради того, чтобы спасти себя от опасности, и, как гласит Кодекс Четырех Сезонов, я могу использовать свои божественные силы на других, если мне угрожает опасность. Так что я собираюсь спасти... э-э, убрать машину с дороги. Люди внутри тоже мешают, так что их я тоже вытащу. Это будет быстрее, чем ждать, пока приедет группа быстрого реагирования. Пробка исчезнет, и я приведу себя в безопасное состояние...

— Хорошо, я понял.

Итехо закрыл рот Рюсэя рукой. Рюсэй хрюкал и смотрел на Итехо, пока тот наконец не отпустил его.

— Послушай, Рюсэй. Я ворчу только потому, что ты мне дорог больше всего на свете. Ты понимаешь?

Сила в его голосе немного ослабила защиту Рюсэя.

— Я понимаю...

— Нет, не понимаешь. — Итехо вздохнул. — То, что ты собираешься сделать, может подвергнуть тебя опасности в будущем. Ты подвергнешь опасности тех, кто тебя защищает. И я не говорю о себе. Не беспокойся обо мне; я твой помощник. Я с радостью отдам за тебя свою жизнь, потому что люблю тебя больше всего на свете... Но подумай о других твоих охранниках. У них есть свои семьи. Ты рискнешь ими всеми? Честно говоря, я бы предпочел, чтобы ты этого не делал.

Слова Итехо больно резанули по совести Рюсэя. Он уже прошел через страшный опыт, который никогда не позволит ему забыть, к каким последствиям могут привести его собственные действия. Но...

— Прости, я все же делаю это. — Он не отступил. Он указал на ужасную сцену. — Там есть жизни, которые я мог бы спасти. — Даже когда он говорил, до него доносились крики. — Там внутри ребенок и его родители. Возможно, больше. Настала его очередь взывать к совести Итехо. — Их жизнь продолжится, если я спасу их. Ты ведь понимаешь, что это значит?

— Это несправедливо...

— Ты поступил так же.

— Только для того, чтобы ты помнил о своем положении.

— Я помню. Я знаю, что есть риск.

— Тогда...

— Я не могу спасти ни тысячи, ни даже сотни. И не буду. Я не в том положении. Я не хочу быть героем. Пожалуйста, пойми это. Я не позволю силе завладеть моей головой.

Он бросил на Итехо вызывающий взгляд.

— Но там есть родитель и ребенок, которых я мог бы спасти.

В его голосе звучала весомость, которая не позволяла списать его убеждения на детское чувство справедливости.

— Ты позволишь им умереть, Итехо? — умолял он.

Итехо несколько раз вздохнул и посмотрел на Исихару со сложной улыбкой на лице.

— Мисс Исихара, мне жаль, что вам придется составлять все документы...

Этим все сказано. Исихара усмехнулся и решительно кивнула.

— Не беспокойтесь об этом, лорд Итехо! Там плачет ребенок!

— Хорошо сказано, Исихара. У тебя есть обещание.

Рюсэй снова шлепнул ее по спине, но на этот раз она улыбнулась.

— Рюсэй. Это исключение, понятно? Сделай это быстро.

— Да. Я расскажу тебе план. Исихара, жди здесь. У тебя ведь есть лицензия медсестры, не так ли? Я хочу, чтобы ты позаботился о них, когда они выйдут. Итехо, мы с тобой единственные, кто может ходить по льду. Пришло время испытать твоё разросшееся тело на прочность.

— Понял, лорд Рюсэй.

— Понял. Только не танцуй, хорошо? Ограничься словесным заклинанием. Мы хотим избежать внимания... хотя, наверное, это невозможно.

Рюсэй раскрыл свой веер, украшенный красивым зимним пейзажем.

— Я же не возвращаю зиму. Это деликатная задача, поэтому мне понадобится дополнительная сила от пения, но я буду молчать.

Итехо и Исихара пробились сквозь толпу к месту катастрофы.

Рюсэй услышал плач двух детей с задних сидений. Мальчик и девочка просили о помощи, говоря только одно:

— Пожалуйста, спасите папу... Помогите...

Оба они просили кого-нибудь спасти потерявшего сознание водителя, хотя должны были бояться за свою безопасность.

Я должен спасти их, несмотря ни на что.

Рюсэй глубоко вздохнул и направил веер на машину. Все вокруг наблюдали за молодым человеком в черном кимоно, гадая, что он может сделать.

— Вонзи снежный клинок в землю и окрась луну в белый цвет.

У его ног образовался тонкий слой льда, который, подобно волнам, распространялся по округе, пока не достиг автомобиля, висящего над обрывом.

— Вечный сон - это сон снега, луны и цветов; утешение для больных.

Из льда возникли фигуры.

Ледяные лианы, кусты, сорняки и ростки в мгновение ока превратились в деревья.

Жизнь росла и размножалась.

Лед обвился вокруг ограждения и вцепился в машину.

Лианы потянулись к задней части машины и потащили ее к дороге и прочь от обрыва.

Каким-то образом бесцветный лед приобрел сочный зеленый цвет.

— Смерть осени и смерть весны.

На зеленом поле льда распустились цветы, прекрасные и ароматные, как сама весна.

— Дай смерть всем мерзким.

Это были весенние цветы.

Агент Зимы набросал ледяной пейзаж весны.

У него были и другие варианты. Он мог бы использовать зимние цветы для своего сезона.

— И выкрась свои плечи в белый цвет.

И все же он выбрал цветы весны.

Он сознательно сделал выбор, чтобы не запятнать землю, которую его коллега-агент окрасила в розовый цвет.

Ее здесь не было, она их не примет. Но в его решении почтить память Хинагику был смысл.

Карин - цветущая айва.

Ямабуки - керрия.

Сёбусуйсен - фрезия.

Рюрикаракуса - голубые глаза ребенка.

Мокурэн - магнолия.

Сумирэ - фиалка.

Уконко - тюльпан.

Арасейто - чубушник.

Хиясинсу - гиацинт.

Умэ - цветок сливы.

Сякуяку - пион.

Омото - священная лилия.

Какицубата - ирис.

Харудзион - эригерон.

Каратачи - трехлистной апельсин.

Момо - цветок персика.

Кинсенка - бархатцы.

Сацуки - азалия.

Анзу - цветок абрикоса.

Геккейдзю - лавр.

Сякунаге - рододендрон.

Судзуран - паучья лилия.

Ботанъичиге - мутан.

Ханамидзуки - кизил.

Хинагеша - мак.

Ябуцубаки - камелия.

Мурасакихасидои - сирень.

Кунуэсо - лаванда.

Фудзи - глициния.

Бара - роза.

Сакура - цветущая вишня.

И маргаритка Хинагику.

Это была сцена из сказки.

Цветочный сад изо льда.

Все смотрели с затаенным дыханием.

Все были очарованы божественной работой агента Зимы.

Ну и ну. Так старался быть задумчивым.

Кроме Итехо, который грустно улыбался. Он знал, почему эти ледяные цветы были выполнены в образе весенней флоры.

Это должен был быть подарок для нее.

И именно поэтому у него защемило сердце.

— Белоснежный снег тает, - пробормотал Рюсэй, и сцена была завершена.

Он захлопнул веер, и весенние цветы открыли путь среди ледяного поля. Рюсэй шагнул вперед, и лианы открыли ему дорогу.

— Эй, все в порядке?

Дыхание детей оставляло туман на стеклах замерзшей машины.

Они уже не плакали, но все еще были напуганы - больше магией, которая была перед ними, чем возможностью смерти. Рюсэй протянул к ним руки, и они отпрянули.

Это был один из тех случаев, когда Рюсэй ненавидел свою устрашающую внешность. Он немного повысил голос, чтобы не напугать детей.

— Не волнуйтесь, я вас спасу. Машина прилипла к земле благодаря льду, так что она не упадет. Все в порядке... Итехо, ты не мог бы помочь?

— Хорошо. Я позову водителя, — ответил Итехо, разбивая окно катаной в ножнах.

Ножны выглядели куда более хрупкими, чем стекло, но не треснули.

Просунув руку в проделанное отверстие, Итехо отпер дверь и распахнул ее так же легко, как коробку конфет.

Исихара наблюдала за происходящим со спокойным лицом, но у зрителей от такого зрелища просто челюсть отвисла.

— Что с этим парнем?

— Ни один человек не смог бы так сделать...

— А что это за лед? Ты думаешь... он один из сезонов?

Итехо поправил солнцезащитные очки, смущаясь растущей вокруг них болтовни. Несмотря на свою привлекательную внешность, он не любил выделяться.

— Эй, откройте окно, — сказал Рюсэй ошеломленным детям. Он постучал по стеклу, но дети, которым на вид было около десяти лет, не сделали ни единого движения, чтобы помочь ему.

Рюсэй подождал немного и протянул руку к машине. Ледяные лианы зашевелились в ответ, а затем распахнули дверь.

— Я здесь, чтобы помочь вам. Теперь все в порядке.

Он хотел успокоить детей, но как только слова покинули его рот, он почувствовал боль в груди. Не рану, но боль, похожую на кинжал, вонзившийся в сердце.

Что?

Почему слова причинили ему боль? После секундного замешательства он наконец понял.

Черт. Я только что сказал это.

Это были те слова, которые он хотел сказать ей больше всего. Слова, которые он жил, чтобы

сказать, когда наконец наступит день их воссоединения. Слова, предназначенные для нее, слова, которые он хранил все эти годы, только что покинули его рот.

И это было не для нее.

Темное облако опустилось на его сердце.

— Я здесь... чтобы помочь...

Он не успел произнести эти слова, а жизнь продолжалась.

Был еще кто-то, ради кого он должен был это сделать.

Идиот. Перестань думать об этом.

Это было больно и стыдно.

Ему было стыдно за себя. Жгучее чувство вины и раскаяния закручивалось в нем вихрем.

Просто подумай о детях, которые перед тобой, бессовестный урод.

Рюсэй знал, от какой болезни он страдает. Люди называли это комплексом Золушки, а у него был комплекс героя.

Его голова была зажата в сказке: он взбирался на башню, прижимал к себе принцессу и говорил ей, что теперь все будет хорошо.

Но это была всего лишь фантазия. Конечно, в фантазиях о героизме нет ничего странного. Люди мечтали об этом не просто так. Проблема в том, что в случае Рюсэй это становилось не просто мечтой. И он находил это смешным. В реальности сценарии спасения дорогих ему людей происходили только в его голове. Реальный мир был гораздо суровее, и трагедия не заставила себя ждать. Спасение, пришедшее так, как он его себе представлял, было не чем иным, как чудом, и Рюсэй это понимал.

Хинагику, я буду...

И именно поэтому он продолжал мечтать.

Хинагику.

Он мечтал спасти Агента Весны, когда ее похитили десять лет назад.

<http://tl.rulate.ru/book/100805/3715291>